

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

И. М. Дзялошинский

О МЕЖВУЗОВСКОМ СБОРНИКЕ «ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ЖУРНАЛИСТА: ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ». РАЗМЫШЛЕНИЯ РЕЦЕНЗЕНТА

Вышел в свет очередной — четвертый — выпуск межвузовского сборника, посвященного актуальным проблемам формирования и развития профессиональной культуры журналиста. Его название «Профессиональная культура журналиста: проблемы межкультурной коммуникации»¹ точно отражает главную идею большинства публикаций: современные медиа как коммуникационный институт и журналисты, реализующие свою профессиональную деятельность в соответствии с регулятивными предписаниями этого института, в значительной степени ответственны за нарастание межэтнических конфликтов. Однако авторы сборника не только констатируют эту — в общем-то не новую — мысль. Они исследуют роль массмедиа в формировании культуры толерантности в очень широком контексте. Вот названия лишь некоторых статей сборника: «Социальное конструирование этничности: роль и задачи массмедиа», «Межнациональные отношения и СМИ», «Правовое регулирование Интернета: к рассмотрению проблемы», «Роль российского телевидения в процессах межкультурной коммуникации», «Итоги и перспективы изучения межэтнических коммуникаций на Среднем Урале», «Местная пресса в контексте межкультурных коммуникаций» и т. д.

Позволю себе выделить из множества поднимаемых в сборнике проблем те, которые представляются наиболее важными, и обобщить высказываемые мнения.

¹ Профессиональная культура журналиста: проблемы межкультурной коммуникации : межвуз. сб. ст. с междунар. участием / [под ред. проф. В. Ф. Олешко]. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. — 288 с.

ДЗЯЛОШИНСКИЙ Иосиф Михайлович — доктор филологических наук, профессор факультета коммуникаций, медиа и дизайна Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва (e-mail: idzyaloshinsky@hse.ru).

© Дзялошинский И. М., 2016

Культура в современном мире

Центральной категорией, к которой часто обращаются авторы, является категория «культура». Известно, что к настоящему времени ученые насчитывают более 500 определений культуры. Авторы сборника опираются на два основных подхода: аксиологический и деятельностный. При аксиологическом (ценностном) подходе культура представляется прежде всего как ценности-идеалы, нормы и стандарты поведения, материальные объекты, созданные человеком, т. е. культура выступает как совокупность материальных и духовных ценностей, заключающая в себе большую ценность для человека в отдельности и общества в целом. При деятельностном подходе культуру рассматривают как процесс воспроизводства культурных объектов, точнее — как специфический способ человеческой жизнедеятельности. С этой точки зрения культура выступает как своего рода «технология» человеческой деятельности. Изредка возникает семиотический (информационно-знаковый) подход, согласно которому культура понимается как внебиологический знаковый механизм передачи опыта и имеет символически коммуникативную природу.

К сожалению, в сборнике плохо артикулируется гуманитарный подход к культуре, согласно которому культура рассматривается как механизм и процесс развития самого человека, его духовных творческих способностей во всем богатстве и многогранности его общественных связей и отношений, во всей целостности его общественного бытия. Культура, с этой точки зрения, есть процесс созидания человеком своей родовой сущности, мера человеческого в человеке. Следует отметить, что так понимаемая культура отнюдь не однородна.

Известный психолог А. Г. Асмолов пишет, что мозаику культур в ходе человеческой истории можно расположить как бы у двух полюсов — полюса полезности и полюса достоинства. В культуре полезности господствует представление о том, будто мир — большие часы, которые заводит мудрый часовщик. Все размерено, предсказуемо и подчинено раз и навсегда заданному распорядку социальных действий. В литературе подобный социальный рациональный мир точными мазками передан в романах-утопиях Е. Замятина «Мы» и Дж. Оруэлла «1984». В этих произведениях показано, что может произойти с обществом, в котором господствует безличная культура полезности. Культура, ориентированная на полезность, всегда стремится к равновесию, к самосохранению, всегда озабочена тем, чтобы выжить, а не жить. Ее единственная цель, прикрываемая тем или иным благостным идеалом, — воспроизводство самой себя без каких-либо изменений.

Иное дело культура, ориентированная на отношения достоинства. В такой культуре ведущей является ценность личности человека, независимо от того, можно ли что-либо получить от этой личности для выполнения того или иного дела или нет. В культуре достоинства дети, старики и люди с отклонениями в развитии священны. Они находятся под охраной общественного милосердия. И именно культура достоинства в большей степени, нежели культура полезности, готова

к преодолению социальных катаклизмов, выходу из кризисов в драматическом процессе человеческой истории².

Ю. В. Казаков, исследуя вопрос о журналистской морали, исходит из понимания того, что в пределах одного конкретного общества возможно сосуществование различных типов культуры и вплетенных в эти культуры типов морали. Во-первых, это традиционная мораль, ориентированная на общину, строгую иерархию, не признающая индивидуализма, подозрительно относящаяся к риску и моральному выбору. Во-вторых, это мораль рациональная, столетиями двигавшая капитализм к его нынешнему состоянию. За этой моралью — личность, опирающаяся, прежде всего, на собственные силы, права и свободы, оберегающая и отстаивающая свой суверенитет, свое право на выбор как основу повседневного существования. В-третьих, это некая новая, «третья» мораль, пытающаяся в том числе совместить несовместимое, соединить элементы и традиционной, и рациональной морали. Вслед за В. И. Бакштановским и Ю. В. Согомоновым Ю. В. Казаков называет эту «третью» мораль пострациональной.

Есть и другие концепции типологических моделей современной культуры. В связи с этим представляется разумным, продолжая разговор о профессиональной культуре журналиста, принимать во внимание указанные особенности культуры.

Профессиональная культура

Профессиональная деятельность журналиста осуществляется в рамках культурно и исторически обусловленного социального института (который обычно обозначается с помощью понятий «журналистика», «СМИ», «массмедиа» и др.), представляющего собой механизм социальной регуляции данного вида деятельности. Через этот социальный институт, предъявляющий устойчивые требования к целям, функциям, задачам профессиональной деятельности, процесс и результаты ее реализации приводятся в соответствие с определенными образцами и стандартами³.

В ответ на эти социальные регулятивы профессиональное сообщество вырабатывает комплекс принципов, норм и правил, которые целесообразно обозначить понятием «профессиональная культура». Профессиональная журналистская культура — это не только способы деятельности, схемы профессионального поведения, но и специфические способы межличностных профессиональных отношений, принятые в журналистике способы мироосмысления, профессиональные обряды, ритуалы (вроде клятвы журналиста) и т. п. Другими словами, профессиональная культура есть тот механизм, посредством которого складывается и самоосознается профессиональное сообщество журналистов как система взаимодействующих

² *Асмолов А. Г.* Непройдённый путь: от культуры полезности — к культуре достоинства [Электронный ресурс]. URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1990/905/905005.htm>. См. также: *Асмолов А. Г.* Оптика Просвещения: социокультурные перспективы. М., 2012.

³ Подробнее см.: *Дзялошинский И. М.* СМИ и общественные институты: перспективы взаимодействия // Медиаскоп : [электрон. науч. журн.]. 2008. Вып. 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/223>

и взаимообусловленных профессиональных групп, механизм, с помощью которого профессиональное сообщество журналистов осуществляет одну из своих основных функций — формирование профессиональных журналистов, возведение их по ступеням профессионального самовыражения.

Следует заметить, что живой мир профессиональной культуры — это не только типичные формы деятельности, не только хранилище стандартов и стереотипов профессионального поведения, не только «память» журналистского сообщества, но и индивидуальное своеобразие, творческое воплощение и развитие форм профессиональной деятельности. При вхождении в профессиональную среду начинающий журналист вступает в мир ценностей, охраняемых и поддерживаемых системой социальных норм, предписаний, запретов, санкций, которые обеспечивают стабильность профессионального сообщества. В ходе общения, сотрудничества и совместной деятельности журналиста и его окружения происходит все более глубокое усвоение профессиональных стандартов и ценностей данной профессиональной среды.

Внешние на первых порах нормативы должного профессионального поведения под влиянием обучения (использующего различные механизмы одобрения и порицания) и иных воздействий профессиональной среды входят в сознание личности, оформляясь в определенную ценностно-нормативную модель профессионального поведения — продукт индивидуального опыта личности и коллективного опыта макро- и микросреды, воспринятого через образцы поведения и систему значений. В результате глубинного усвоения и многократного повторения применения исходных профессиональных принципов, простых и всеобщих норм профессиональной деятельности формируются стереотипы профессионального поведения, которые не осознаются как профессионально нормированные, так что вопрос «правильно ли я действую?» обычно и не возникает. Принятый образ деятельности, став привычным, становится потребностью.

Профильрованные через личный опыт и профессиональную практику личности различные стороны и явления профессиональной деятельности, соотносимые с потребностями, интересами, целями индивида, вызывают к себе определенные отношения и приобретают определенный смысл, выступающий формой выражения личностной значимости явления для человека. Возникают оценочные отношения к явлениям профессиональной действительности. Эти профессиональные ценности как на уровне общежурналистской творческой среды, так и на уровнях конкретных коллективов и единичных журналистов выстроены в иерархически организованные целостности — шкалы ценностей. (В скобках следует заметить, что довольно часто эти шкалы у представителей разных профессиональных сообществ не совпадают, что может стать источником конфликтов.) Можно выделить несколько видов оценочных отношений. Это, во-первых, отношение к принципам и нормам профессиональной деятельности, институтам, контролирующим соблюдение этих принципов; во-вторых, это отношение к отклонениям от общепризнанных способов профессиональной деятельности; в-третьих, отношение к органам, обеспечивающим поддержанием определенного выполнения существующих норм и принципов деятельности;

в-четвертых, отношение к собственной профессиональной деятельности (профессиональная самооценка). Эти отношения выражаются в оценочных суждениях, которые могут быть получены с помощью известных методов, обеспечивающих большую или меньшую степень соответствия этих высказываний подлинным мнениям их авторов.

Каковы же пути формирования профессиональной культуры? Прежде всего, следует указать на такой механизм воспроизводства профессиональной культуры, как *традиция*. Именно традиции выступают средством аккумуляции и трансляции коллективного опыта деятельности, выраженного в социальных и профессиональных стереотипах. Подчеркиваем этот тезис, потому что многие руководители редакционных коллективов и некоторые исследователи слишком много внимания уделяют формальной стороне — разработке миссий и кодексов. Разумеется, редакционные миссии и кодексы могут помочь уменьшить внутренние конфликты, возникающие в условиях, когда люди имеют разные мнения о событиях, политике, субсидиях, рекламе, этике и пр. Однако вряд ли нужно доказывать, что попытки разработать некие кодексы профессионального поведения с явно авторитарными устремлениями и административно-регламентационными механизмами контроля за поведением журналиста бесполезны и бессмысленны, если журналист не рассматривает профессиональную среду как личностно значимое сообщество, все члены которого придерживаются примерно одинаковых профессионально-этических стандартов. Как только профессиональная среда расслаивается на несколько конкурирующих сообществ, так профессионально-этические стандарты из средства регуляции профессионального поведения становятся инструментом взаимного противопоставления разных групп профессионалов⁴.

Другим важным носителем профессиональной культуры являются так называемые культурные герои или, точнее говоря — *герои профессионального сообщества*. Эти герои представлены определенными личностями, которые могут быть реальными людьми или воображаемыми персонажами, нашими современниками или легендарными личностями прошлых лет, но все они обладают характеристиками, которые получают высокую оценку в профессиональном обществе, и, таким образом, становятся образцом для подражания.

Очевидно, что в составе любой профессиональной культуры функционируют и определенным образом взаимодействуют профессиональные субкультуры. В структурном плане профессиональная субкультура аналогична профессиональной культуре. Разница заключается в том, что вместо общепризнанных норм и стандартов деятельности в профессиональной субкультуре функционируют свои представления об этих нормах и стандартах; особым профессиональным институциям, контролирующим выполнение этих норм и стандартов на уровне профессиональной общности в целом, соответствуют собственные неформальные «органы»; профессиональное поведение характеризуется специфическими для

⁴ См.: Дзялошинский И. М. Российские СМИ: противостояние матриц [Электронный ресурс] // Российские СМИ и журналистика в новой реальности : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию журналист. образования на Урале. Екатеринбург, 14–15 апр. 2011 г. URL: <http://elar.usu.ru/handle/1234.56789/3477>.

представителей данной субкультуры проявлениями, типичными способами исполнения (которые с точки зрения общепринятой профессиональной культуры могут выглядеть как дерзкое нарушение тех или иных профессиональных предписаний).

В условиях существования множества профессионально-идеологических парадигм, конфликтующих друг с другом, влияние корпоративных кодексов поведения не очень велика. Зато значительно возрастает личностная ответственность профессионала за профессиональное и этическое самоопределение, требующая от него постоянной рефлексии над процессом и результатами своей деятельности. Но сознательное отношение к своей деятельности предполагает выделение себя из профессиональной среды как относительно самостоятельного субъекта профессиональной деятельности, способного оценить собственную деятельность и деятельность других субъектов сквозь призму собственных профессиональных критериев. Без преувеличения можно сказать, что в нынешних условиях профессиональное самосознание является одним из основных показателей профессиональной зрелости.

Этническая идентичность и медиа

Проблемы идентичности — индивидуальной и коллективной — уже довольно давно привлекают пристальное внимание представителей разных социальных и гуманитарных наук. На протяжении последних 50 лет концепт идентификации и идентичности приобрел существенное значение в социальных науках. Ученые из разных областей знания интересуются трансформацией идентичностей: глобализация обострила стремление к защите собственной идентичности и способности сопротивляться⁵ и вместе с тем в значительной степени привела к изменению границ идентичностей и, соответственно, культур, которые теперь все меньше и меньше соотносятся с границами национальных государств и все больше и больше — со смыслами и значениями разных бытовых жизненных явлений и стремлениями индивидов создавать свои собственные индивидуальные культуры⁶. Появляются культуры сексуальных комьюнити (*sex and lesbian cultures*), культуры через призму медийного опыта (*digital cultures*) и т. д. Все эти изменения в значительной степени связаны с медиа: нишевизация, дробление аудиторий, переход к нелинейному и индивидуализированному медиапотреблению привели к неспособности поддерживать те широкие идентичности, которые формировали в значительной степени национальные государства.

Появление новых медиа вносит определенные коррективы в современные системы идентификации людей. Новые интерактивные медиа поднимают вопрос о новых формах идентичности, не связанных с этносом и культурой, но связанных, например, с протестными явлениями. Возникают новые формы

⁵ Castells M. The Power of Identity: The Information Age: Economy, Society and Culture. L., 2009. Vol. 2; Tomlinson J. Globalization and Culture. Chicago, 1999.

⁶ McCracken G. Transformations: Identity Construction in Contemporary Culture. Urbana, 2008.

сетевой организованной идентификации, которая структурирует политические и социальные протесты⁷.

На первый план в последнее время вышло изучение «этнической идентичности». Одни трактовки во главу угла ставят общность по особой этнической культуре, языку, территории расселения, другие — отчетливо выраженное этническое/национальное самосознание, т. е. осознание общности носителями этого сознания. Поэтому в настоящее время обращение к «этнической», «национальной», «этнокультурной» и т. п. проблематике постоянно требует оговорок и уточнений. При этом допускается, что при всех различиях три главных подхода к пониманию этничности (примордиалистский/эссенциалистский, конструктивистский, инструменталистский) в их современных версиях не являются взаимоисключающими и могут быть интегрированы в рамках комплексного подхода, который уместно назвать **контекстуально-конструктивистским**.

Рассуждая об искусственно сконструированных «биографиях наций», Б. Андерсон писал: «Сознание помещенности в мирской, последовательно поступательный поток времени, со всей вытекающей отсюда непрерывностью, но вместе с тем и с “забвением” переживания этой непрерывности — продуктом разрывов, произошедших на исходе XVIII века, — рождает потребность в нарративе “идентичности”»⁸. Однако такого рода потребности в историческом нарративе этнической, этноконфессиональной, этнополитической идентичности, как, впрочем, и яркие свидетельства разрывов в социокультурной памяти, обнаруживаются и в гораздо более ранние эпохи всемирной истории, когда современной «индустрии памяти» не было и в помине. Тем не менее и без новых инструментов и технологий целостность мифологического полотна памяти с течением времени (при отсутствии катастроф глобального масштаба), как правило, восстанавливалась⁹.

Возрастание роли этнического признака в политической сфере входит в конфликт с основополагающими классическими ценностями демократии и становится угрозой государственному суверенитету и территориальной целостности и международной стабильности в целом. В этом плане ключевой проблемой, безусловно, является соотношение общероссийской гражданской и этнонациональной идентичности. По данным А. Г. Здравомыслова и А. Л. Андреева, конкретным проявлением общероссийского сознания становится не столько приоритет гражданской идентичности над этнокультурной («общероссийскость»), сколько комплекс близких или идентичных компонентов сознания большинства проживающих на территории России этносов¹⁰.

Показательно, что увеличение числа представителей нерусского населения воспринимается в массовом сознании представителей «коренной» национальности

⁷ Castells M. Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age. N. Y., 2012; Bennett L. (ed.). Civic Life Online: Learning How Digital Media Can Engage Youth. Cambridge, 2008.

⁸ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/anders/index.php

⁹ Репина Л. П. Память и знание о прошлом в структуре идентичности [Электронный ресурс]. URL: <http://roii.ru/dialogue/roii-dialogue-21.pdf>

¹⁰ Здравомыслов А. Г., Андреев А. Л. Российская идентичность и национальное самосознание // Изменяющаяся Россия в зеркале социологии. М., 2004. С. 102–113.

как серьезная угроза благополучию и безопасности. Почти третья часть респондентов испытывает тревогу по поводу нарастания волны миграции нерусского населения в «коренную» Россию. Таким образом, эмпирические данные свидетельствуют о сохранении в России базы для националистических настроений на фоне присутствия национализма как идейно-политического феномена¹¹.

Ссылаясь на работы многих современных авторов¹², Ю. П. Зарецкий убедительно доказывает, что этническая и национальная идентичность миллионов людей основывается на иллюзиях и мифах. Это может быть этногенетический миф — миф об общем происхождении (общем предке), представление об особой территории, признаваемой «исторической родиной», и общем *групповом* прошлом (неважно — реальном или предполагаемом) составляющих осознаваемую общность индивидов (живых и канувших в Лету). В рамках цельного историко-мифологического полотна мифы о происхождении, месте обитания и расселения, об общих предках, культурных героях, славных предводителях и мудрых правителях древности, о «судьбоносных» событиях общего прошлого, запечатленные в «преданьях старины глубокой» и систематически воспроизводимые в ритуалах, символах и текстах, выступают как основа любой этноцентристской (этнотерриториальной, этнокультурной, этноконфессиональной) идентификации.

При этом речь может идти не только о воспроизведении или переозначивании старых мифов, но и о рождении новых этноцентристских мифов, призванных четко очертить границы «своей» общности, выделив ее из более широкого территориально-политического образования или объединив несколько таких образований, в связи с чем следует, видимо, помнить о разных уровнях самоидентификации и различных измерениях (синхронном и диахронном) как индивидуальной, так и коллективной (социальной, этнической, национальной и т. д.) идентичности.

В связи с этим возникает потребность в анализе формирования отдельных исторических мифов, их конкретных функций, среды их бытования, маргинализации или реактуализации в обыденном историческом сознании, их использования и идеологической переоценки, в том числе в сменяющих друг друга или конкурирующих нарративах национальной истории (поскольку все народы осознают себя в терминах исторического опыта, уходящего корнями в прошлое). В сети интерактивных коммуникаций происходит постоянный отбор событий, в результате чего некоторые из них подвергаются забвению, в то время как другие сохраняются, обрастают смыслами и превращаются в символы групповой идентичности. Идет процесс реинтерпретации прошлого, продуктами которого являются новые мифы. Особый интерес представляет исследование мифологической составляющей современного исторического сознания, как и возможностей сознательного конструирования/деконструкции исторической памяти.

Медиа, формирующие картину мира в обществе, естественным образом становятся субъектом социального строительства. Медиа становятся инструментом мобилизации людей в обществе. Г. Лассуэлл пишет: «В Великом Обществе больше

¹¹ Перепелкин Л. С. Истоки межэтнического конфликта в Татарии // Мир России. 1992. Т. 1, № 1. С. 93–94.

¹² Например: Geary P. J. The Myth of Nations: The Medieval Origins of Europe. Princeton, 2002.

нет возможности спаять воедино разобщенность индивидов в горне боевого танца, нужен более новый и более тонкий инструмент, чтобы спаять тысячи и даже миллионы людей в единую массу ненависти, и воли, и надежды». СМИ, по Лассуэллу, становятся «новыми молотом и наковальней социальной солидарности»¹³.

Массовая коммуникация делает мифотворчество дистантным, анонимным, стандартизированным, дискретным¹⁴. Все средства массовой коммуникации по мере своего возникновения включаются в уже существующее с начала книгопечатания медиапространство, расширяя и обогащая его. В итоге мифы конкретного средства массовой коммуникации не являются автономными, между различными каналами постоянно осуществляется циркуляция порождаемых мифов, т. е. мифотворческие процессы формируются различными средствами массовой коммуникации когерентно.

Толерантность

Ни для кого не секрет, что в современном российском обществе, в котором еще не сложилась устойчивая система демократических ценностей, идея толерантности не стала общепринятой. Кроме того, в ситуации экономической, политической и социальной нестабильности появляется все больше оснований для конфликтов, они приобретают все более острую форму, особенно в моменты чрезвычайных ситуаций. Для России как трансформирующегося общества характерен значительный конфликтный потенциал, величина которого зависит от конкретно-исторических, социально-экономических, этноконфессиональных, политико-идеологических, культурно-цивилизационных условий того или иного региона¹⁵. И хотя специалистам понятно, что в основе этих конфликтов лежат демографические, экономические, экологические, технологические, политические, а также социокультурные факторы, которые отражают различия в менталитете, культуре, религии, образовании, этике разных народов и цивилизаций, многие обвиняют российские СМИ в том, что эпидемия нетерпимости обрушилась на общество именно по вине журналистов. Иногда обвиняют все СМИ, иногда — только негосударственные.

Многие специалисты утверждают, что средства массовой информации России, освещая проблему насилия, в основном живописуют жестокость, с которой участники насильственных акций расправляются друг с другом. По их мнению, все это приводит к тому, что массовое сознание отнюдь не настраивается на борьбу с насилием, а, наоборот, начинает либо воспринимать его как естественный элемент жизни, либо восхищаться насилием и насильниками.

Более того, в некоторых публикациях именно концепции толерантности и мультикультурализма рассматриваются как факторы разжигания национальных

¹³ Цит. по: Бакулев Г. П. Массовая коммуникация: западные теории и концепции. М., 2005. С. 39.

¹⁴ Тихонова С. В. Социальная мифология в коммуникационном пространстве современного общества : дис. ... д-ра филос. наук. Саратов, 2009. С. 185.

¹⁵ Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д., Дмитриев А. В. Уровень конфликтности в российских регионах // Мониторинг общественного мнения. 2008. № 3 (87), июль — сент. С. 117–125.

противоречий. Не вступая со сторонниками таких взглядов в полемику, отметим, что очень важно различать мультикультуральность или культурную многосоставность как состояние, находимое во многих культурных пространствах, в том числе и в России, и мультикультурализм как свод теорий и практик для осмысления этого явления. Мультикультурализм является одним из самых характерных проявлений актуализации горизонтальных, ризоматических¹⁶ культурных взаимодействий, характеризующих важнейший сдвиг в мировой культуре постсовременности. Несомненно, что в наиболее законченной форме он был сформулирован, оценен, институализирован и переведен в область массового потребления именно в США. При этом, по точному определению исследователей мультикультуральной проблематики в сфере СМИ Э. Шохат и Р. Стема, мультикультурализм не является отрицанием европейской культуры, но выступает против европоцентризма, как по-прежнему господствующей точки зрения, при которой мир делится на Запад и все остальное, а язык и мышление организованы вокруг бинарных оппозиций, таких как «наши» (европейские) нации и «их» племена, «наши» религии и их «предрассудки» и «поверья», наша «культура» и их «фольклор», наша «оборона» и их «терроризм»¹⁷.

Еще одна большая проблема, имеющая отношение к анализу роли СМИ в формировании установок толерантности, заключается в том, что социальные и профессиональные коды, в соответствии с которыми в России осуществляются коммуникативные процессы (как межличностные, так и массовые), обладают исторической спецификой. Обвинения журналистов в агрессивности и в том, что их агрессия усиливает конфликтность в обществе, нередко вызывают недоуменные возражения с их стороны. Особенно у тех, кто в своих материалах фактами и суждениями не возбуждает враждебности по отношению к людям и событиям, не провоцирует конфликта между богатыми и бедными, гражданскими и военными, верующими и атеистами и т. д. Однако дело здесь не только в том, о чем и что пишут журналисты, но и в том, как они это делают, какие выбирают слова или какие используют предложения. Именно здесь журналист может повести себя как личность агрессивная, конфликтная, иногда этого не желая. Поэтому, говоря о толерантности/интолерантности в текстах СМИ, надо иметь в виду, что, с одной стороны, это явление связано с реальными ситуациями, событиями и предметами, а с другой — это проблема способа выражения. Вот простые примеры. Допустимы ли такие наименования в текстах СМИ: «богатенькие янки», «назойливые китайцы», «зашуганный кавказец», «отчаянная полька», «совсем несдержанный дагестанец», «ловкие пакистанцы»? Или: «кремлевские сборища», «пораженные в культурных правах провинциалы»? Или фраза: «Брюссель — наверно, один из самых скучных городов Европы. По всем параметрам — не столица континента, а глухая ее провинция...»

Вот примеры суждений, присутствующих на страницах российских СМИ: «российская культурная элита — сытая и бессовестная»; «деятели культуры

¹⁶ См.: Deleuze G. Guattari F. Rhizome. P., 1976.

¹⁷ Stam R., Shohat E. Contested Histories: Eurocentrism, Multiculturalism, and the Media // Multiculturalism. A Critical Reader / ed. by D. T. Goldberg. Oxford & Cambridge, 1995. P. 297.

щедро награждают сами себя и щедро награждаются властью за то, что успешно отвлекают массы от вопросов “кто виноват?” и “что делать?”»; «молодежь не идет на стройки, а тем только и занята, что просиживает штаны возле подъездов собственных домов, в лучшем случае находит себя в компьютерном салоне»; «вынужденные “переселенцы” занимаются наркобизнесом, ведут противоправную коммерческую деятельность — втягивают в криминальные процессы местную околорепутную среду и коррумпированных чиновников».

Большинство исследователей исходят из того, что толерантность СМИ состоит, прежде всего, в обеспечении пространства для общественной дискуссии по актуальным темам, пространства для диалога, жизненно необходимого в обществе различия. СМИ должны формировать пространство для высказывания различных позиций, вовлекать в процесс обсуждения актуальных проблем разных участников и тем самым реализовывать стратегию толерантности, представляющую разные точки зрения как внутри одного издания, так и в полемике между различными изданиями. У журналистов есть много различных способов донести до читателей многообразие мнений, точек зрения, существующих в обществе. В теории и практике журналистики разработаны соответствующие технологии: диалогические жанры, к которым относятся интервью, беседа и др. При этом, даже используя данные жанры, журналисты достаточно часто ограничиваются выделением одной — по их мнению, правильной — позиции. Однако интолерантные мнения, существующие в обществе, но игнорируемые СМИ, более опасны, чем те, которые становятся предметом обсуждения. В то же время опасными представляются неосторожные, провокационные заявления, опубликованные в печати, — они могут повлечь за собой не дискуссию, а эскалацию конфликта.

Однако для большинства российских печатных СМИ характерна принципиальная установка на монолог автора. Как правило, высказывания в исследованных текстах — это рассуждения журналиста, это описание и оценка событий именно с его точки зрения. По сути, здесь только один источник информации; «чужая» точка зрения изгоняется: нет никаких форм чужой речи. И даже тогда, когда журналист дает как будто «чужое» мнение, источник информации не изменяется, потому что журналист пересказывает нам чужую точку зрения, и делает это не объективно, а оценочно. Причем здесь оценивается не только «чужая» точка зрения, но и возможный носитель этой точки зрения, оцениваются реальные люди — потенциальные собеседники журналиста. Потому что журналисты используют такие способы наименования своих собеседников и их действий¹⁸, которые снижают их авторитет как источника информации, резко уменьшают их право «влиять» на кого бы то ни было. Особенно опасна ситуация, когда читатель включает себя в тот же круг отрицательно оцениваемых лиц.

История человечества выработала несколько форм отношения к Чужому. Их можно сгруппировать следующим образом.

¹⁸ Об особенностях восприятия наименований по профессии и возможных конфликтах при их использовании см.: Бортник Г. В. «Обидная» категория // Рус. речь. 2001. № 2. С. 51–54.

В **первую группу** можно включить относительные позитивные модели организации взаимоотношений с Чужими. Это мультикультурализм, транскультурализм, интеркультурализм. Под мультикультурализмом обычно понимают сосуществование многих культур в одном месте, без преобладания какой-либо одной культуры в регионе. Создавая широчайший спектр человеческих различий, приемлемых для большого числа людей, мультикультурализм стремится к преодолению расизма, различия полов и других форм дискриминации. Другими словами, мультикультурализм — теория и практика признания и уважения различных культур, религий, рас, этничностей, мнений внутри окружающей среды. Согласно мультикультуралистской точке зрения, допускается и прием страной представителей разнообразных культур, и спокойное отношение к тому, что меньшинства остаются «неинтегрированными». Необходимо распахнуть двери для всех, кто хочет стать членом общества, а степень ассимиляции должна определяться желанием и способностью каждого отдельного индивида.

Практика выработала два варианта мультикультурализма — активный и пассивный. Активный мультикультуралистский подход заключается в том, что общество должно принимать активные меры для обеспечения представителям разных культур не только полноценного участия в жизни общества, но и максимальных возможностей для сохранения особой идентичности и традиций. Согласно этой точке зрения, к разнообразию следует не просто относиться толерантно — его нужно укреплять, поощрять и поддерживать, как финансовыми средствами (при необходимости), так и путем предоставления культурным меньшинствам особых прав. Пассивный (или мягкий) мультикультурализм исходит из представления о том, что надо давать не только возможность сохранения особой идентичности и традиции, но и обеспечивать возможность ассимиляции и перехода в другие культуры. «Мягкие» мультикультуралисты исходят из понимания того, что новоприбывшие и меньшинства в любом обществе будут стараться следовать преобладающим нормам, поскольку это облегчает жизнь, делает ее приятнее и сокращает издержки. Проще выучить язык, на котором говорит большинство населения, чем ждать, пока остальные выучат ваш. Дружбу также легче завязывать с людьми, с которыми у вас есть что-то общее. Наконец, иметь широкий круг общения и дружеских связей лучше, чем замыкаться в компании немногих, которые полностью разделяют ваш образ жизни.

Транскультурализм требует не просто поддерживать ценностное равенство и самодостаточность разных культур, как это делает мультикультурализм, но обеспечивать их открытость и взаимную вовлеченность. Здесь действует принцип не дифференциации, а интерференции, «рассеивания» символических значений одной культуры в поле других культур. Если «многокультурные» настаивают на принадлежности индивида к «своей», биологически предзаданной, «природной» культуре («женской», «молодежной» и т. д.), то транскультурализм предполагает диффузию исходных культурных идентичностей по мере того, как индивиды пересекают границы разных культур и ассимилируются в них. Вместе с тем транскультуру не следует отождествлять с глобальной культурой, распространяющей одинаковые модели (преимущественно американские) на

все человечество. Транскультура есть не общее и идентичное, присущее всем культурам, но культурное разнообразие и универсальность как достояние одной личности. Транскультура — это состояние виртуальной принадлежности одного индивида многим культурам.

Модель интеркультурализма возникает в ответ на либеральную критику мультикультуралистской концепции. Если главный принцип мультикультурализма — разделение культур и сохранение культурных различий, то интеркультурализм полагает, что эти различия динамичны и могут смешиваться. Наличие меньшинств, их творческий потенциал рассматривается не как проблема, а как преимущество — ресурс для экономического, социального и культурного развития. Интеркультурализм предполагает наличие общих интересов у граждан разных национальностей и религий, объединяемых общей же гражданской ответственностью за свою страну. Интеркультурализм обозначает необходимость выравнивания возможностей выбора культуры и культурного статуса индивида/ группы, подразумевающего социальную и культурную эмансипацию при принятии базовых правил взаимодействия и создания для него единых условий.

Поскольку интеркультурализм — городской феномен, в 2008 г. Совет Европы инициировал проект, акцентирующий проблематику культурного разнообразия, — программу «интеркультурных городов» (*The Intercultural Cities (ICC) Programme*). Ее цель — превращение культурных различий в стимул для развития. Сейчас в программе участвуют около 60 городов, в том числе Ижевск.

Во вторую группу форм взаимоотношений с Чужими целесообразно включить одну нейтральную форму — бездействие. Бездействие означает пустить всё на самотек, в надежде, что всё само собой как-нибудь образуется. Почему-то само собой ничего не образуется, и эта форма организации взаимоотношений довольно быстро заменяется другими.

В третью группу форм взаимоотношений с Чужими можно включить враждебные модели. К ним относятся: изоляционизм, апартеид, ассимиляторство, насилие.

Изоляционизм предполагает запрет на культурное многообразие, включая запрет на въезд в страну и проживание в ней посторонних, отличающихся от основного населения в культурном плане. Порой это связано со стремлением некоторых слоев защитить или сохранить свои традиционные преимущества и привилегии. В свое время такой подход взяла на вооружение Австралия, в которой политика «Австралия для белых» была реализована первым актом австралийского парламента — Законом об иммиграции 1901 г. Въезд в страну на постоянное жительство тщательно контролировался, чтобы обеспечить принадлежность ее жителей к белой расе и британской культуре. Предпочтение отдавалось британцам, на втором месте были уроженцы Северной Европы. Въезд жителей южноевропейских стран считался менее желательным, а азиаты и другие представители небелых рас рассматривались как абсолютно нежеланные мигранты. В результате мигрантам из категории «желанных» предоставлялись финансовые стимулы для переезда в Австралию, а жителей азиатских стран туда не допускали. Лишь в 1960-х гг. начали приниматься меры по отмене этих ограничений, а официально с этой политикой было покончено в 1973 г.

Апартеид не закрывает представителям культурных меньшинств доступ в страну (как правило, потому, что это по определению невозможно), но предусматривает полный запрет на их ассимиляцию. Пример такого режима — Южно-Африканская Республика в период правления белого меньшинства, хотя в данном случае группы, лишённые права полноценного участия в жизни общества, составляли большинство населения. Подобное политическое устройство, скорее всего, можно сохранять только репрессивными методами.

Ассимиляторство заключается в том, чтобы допускать в страну приезжих, но при этом проводить политику их ассимиляции, ограничивая тем самым масштабы влияния посторонних на культуру принимающего общества. Этот подход связан с культурным воздействием на иммигрантов, но он может применяться и в отношении коренных народов. Так, в период проведения политики «Австралия для белых» считалось необходимым ассимилировать аборигенов, привить им европейскую культуру преимущественно англо-кельтского общества. Однако практика показала, что идея «плавильного котла», т. е. предположение, что через некоторое время, поколение или два спустя, специфические культуры и идентичности иммигрантов переплавятся в «американскость», «канадскость», «австралийскость» и т. д., не работает.

Насилие как форма отношения к Чужим предполагает физическое уничтожение носителей (живых и вещественных) иной культуры. Самый яркий пример — идея «арийской расы» и «очищения» земли от иных представителей человечества кроме тех, кто обладает достаточной силой для осуществления такого геноцида. В настоящее время технология насилия активно применяется талибами и некоторыми другими террористическими движениями.

Подводя итог размышлениям, инициированным прочтением сборника «Профессиональная культура журналиста...», хочется поблагодарить авторов за то, что в своих статьях они подняли обширный тематический пласт, заявили серьёзные теоретические, методологические и практические подходы к поискам решения проблем межкультурной коммуникации.

Рецензия поступила в редакцию 31.03.2016 г.